

С 24.
92.

А. Е. Аленторовъ.

ИЗЪ МІРА
КИРГИЗСКИХЪ СУЕВЪРІЙ.

БАКСЫ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго университета.

1899.

ф 1-60
6079

А. Е. Алекторовъ.

ИЗЪ МІРА
КИРГИЗСКИХЪ СУЕВЪРІЙ.

БАКСЫ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго университета.

1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этно-
графіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Катановъ.*

2007237503

Бакса.

(Изъ міра киргизскихъ суевѣрій).

Въ первый разъ увидѣлъ я баксу въ аулѣ № 1 Каратургайской волости, Тургайскаго уѣзда ¹⁾. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, низенькаго роста, съ пріятнымъ лицомъ и тихою заискивающею улыбкою; звали его Сюименбаемъ. Люди, видѣвшіе виды, посмѣивались надъ нимъ, а суевѣрные приходили въ ужасъ, особенно женщины. Явился Сюименбай съ неизмѣннымъ своимъ кѣбызомъ. Странный видъ имѣетъ этотъ музыкальный инструментъ, напоминающій глубокую чашку съ двумя отростками. Длинный отростокъ — это грифъ; на противоположномъ меньшемъ отросткѣ, выдолбленномъ корытцемъ и обтянутомъ кожею, утверждается треугольная подставка для двухъ струнъ изъ конскаго волоса. На каждую струну употребляется отъ 35 до 40 волосъ. Волосы не скручиваются и натягиваются двумя большими колками. Играютъ на кѣбызѣ смычкомъ ²⁾.

Этотъ кѣбызъ, началъ рассказывать мнѣ Сюименбай, принадлежалъ моему дѣду и отцу; у меня онъ уже тридцать лѣтъ, а всего ему больше двухъ сотъ лѣтъ; отъ времени онъ почернѣлъ, какъ вороново крыло, но играетъ счастливо, и

---

¹⁾ Это было 26 февраля 1899 года.

²⁾ Кобызъ у киргизскаго баксы то же, что и бубень съ колотушкой у татар. племень Сибири: при игрѣ на немъ легко пѣть, онъ же изображаетъ орудіе для пораженія враждебныхъ силъ.

джинны — мои духи повинуются мнѣ, когда я вызываю ихъ игрою на кѣбзыѣ. Дѣдъ мой и бабка, а также отецъ и мать были баксы. Когда умеръ отецъ, джинны (духи) выбрали своимъ повелителемъ старшаго моего брата Керегебая, но онъ не захотѣлъ быть баксой и поплатился за это жизнью, — его нашли удушеннымъ сзади зимовки. Второй братъ Сарынжинъ тоже не захотѣлъ быть баксой. Однажды онъ ѣхалъ на пѣгомъ иноходцѣ и вдругъ закричалъ: „джинны, джинны!“ Лошадь бросилась въ сторону и понесла его степью... На пути попался колодезь, и братъ разбилъ въ немъ голову. Тогда мнѣ было 30 лѣтъ. Я принялъ на себя домъ, хозяйство и сталъ забывать о джинахъ. Но вотъ, что было однажды со мною. Отправился я искать верблюдовъ въ камыши. Солнце садилось. Забрался я въ камышевую заросль и вижу, что съ одной стороны идетъ полчище муллъ въ огромныхъ бѣлыхъ чалмахъ, а съ другой какое-то войско. Я испугался и потерялъ сознание. Когда я очнулся, было далеко уже за полночь. Ярко блестѣли звѣзды, и только луну закрывала небольшая тучка. Я не сталъ искать верблюдовъ и поспѣшилъ домой. Руки и ноги мои тряслись, а голова кружилась. Я легъ въ кибиткѣ, и слышно мнѣ, какъ сходятся джинны; сошлись и говорятъ: „Изберемъ себѣ повелителемъ Сюименбая; пусть онъ лечитъ больныхъ и изгоняетъ изъ людей шайтановъ. Эй! Сюименбай, слышишь-ли, что мы говоримъ? Иди и лечи!“ Въ это время самъ собою заигралъ отцовскій кѣбзыѣ и пошелъ отъ стѣны, у которой лежалъ, ко мнѣ. Я взялъ его и не расстаюсь съ нимъ, какъ уже сказалъ, тридцать лѣтъ. Всѣ джинны отца моего повинуются мнѣ. Есдаветъ—главный, умный джинъ; онъ бросается на помѣшанныхъ и бѣшенныхъ людей и выгоняетъ шайтановъ. Ергобенъ—второй джинъ. Подобно тому, какъ получается масса отраженій окружающихъ предметовъ въ зеркалѣ при быстромъ повертываніи его, такъ отражаются въ Ергобенѣ болѣзни людей. Онъ можетъ въ нѣсколько минутъ пролетѣть сотни и даже тысячи верстъ; лошадь его—мухортая (особый оттѣнокъ гнѣдой), со звѣздою на лбу, а хвостъ завязанъ пучкомъ, какъ

завязываютъ ямщики во время грязи ¹⁾. Ергобень предсказываетъ, кто и когда прїѣдетъ, кто будетъ счастливъ и на кого обрушится несчастье. Акмараль—третій джинъ. Онъ, какъ Есдавлетъ, кидается на сумасшедшихъ. Если у сумасшедшаго шайтанъ силенъ, Акмаралу долго приходится бороться съ нимъ. Если побѣда становится за Акмараломъ, сумасшедшій начинаетъ плакать и причитываетъ, что разстается съ своимъ отцомъ (шайтаномъ) и братьями, а самъ до крови царапаетъ лицо. Я напустилъ однажды обоихъ джиновъ, Есдавлета и Акмарала, говорилъ Сюименбай, на одного сумасшедшаго киргиза, и оба они не могли справиться съ больнымъ. Родственники сумасшедшаго стали упрекать меня: „давно ты лечишь, Сюименбай, людей, а помочь намъ не можешь“. Я сказалъ: „у меня есть еще джинъ, только живетъ онъ въ Турціи. . . Подайте мнѣ три стакана чаю!“ Выпилъ я стаканъ, другой, сталъ было уже пить третій, какъ задрожали у меня руки и ноги; я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Въ это время въ кибитку влетѣлъ Кѳзбембетъ со своими людьми. Началось настоящее сраженіе между шайтаномъ и джинами. Шайтанъ—въ сумасшедшемъ, а джины—во мнѣ. Мы побѣдили. Большой снялъ съ себя рубашку, штаны и сталъ выбрасывать черезъ шангаракъ ²⁾, приговаривая: „ушла болѣзнь съ одеждою“. Я называлъ бы Кѳзбембета первымъ за его огромную силу, да не столько ума въ немъ, какъ у Есдавлета. Носится Кѳзбембетъ въ синей каретѣ на высотѣ пяти пикъ; у него тридцать служащихъ; есть кашевары, ямщики, проводники. Тельсары—женщина, пятый мой джинъ,—лечитъ людей съ слабымъ мочевымъ пузыремъ. Шестой джинъ—кемпиръ, т. е. старуха, безъ имени; ей 90 лѣтъ; на шубу ей требуется 90 овчинъ; губа одна—до неба, другая—до земли; глаза маленькіе, щеки

---

¹⁾ У сибирскихъ татаръ, держащихся шаманства, нечистые духи тоже всегда имѣютъ коней, на которыхъ ѣздятъ.

²⁾ Такъ называется отверстіе вверху кибитки, черезъ которое выходитъ дымъ.

впалыя; лечить, кого рветъ, у кого ломота въ костяхъ и у кого простуда вообще. Кержыланъ (*букв.* мухортая змѣя)—змѣя, лечить женщинъ, страдающихъ болью въ животѣ; длиною Кержыланъ 10 сажень, шириною 5 сажень; пролѣзаетъ черезъ ротъ или носъ, проходитъ по всему кишечному каналу и выноситъ болѣзнь. Когда Кержыланъ вцѣпится въ болѣзнь, я кричу ему: „кереге бойлы Кержыланъ! босага бойлы Босжыланъ! Айда, тартъ!“¹⁾... Ерсары, Манатъ, Апатъ, Кыргы и другіе — мелкіе джины, о которыхъ не стоитъ и говорить. Джины, продолжалъ разсказъ свой Сюименбай, питаются хрящами и сухожиліями. Въ полдень джины находятся около кладбищъ; это—ихъ мѣсто жительства; вечеромъ они расходятся по рѣкамъ, ночью—по ауламъ, утромъ—снова по рѣкамъ. Вотъ почему киргизы утромъ и вечеромъ не пускаютъ женщинъ своихъ на рѣки; они боятся, что джины будутъ приставать къ нимъ: джины любятъ женщинъ. Есдавлета у меня покупали за лошадь съ халатомъ, да не отдалъ. Есдавлеть не ушелъ-бы даромъ, а лишилъ-бы меня руки, ноги или—по крайней мѣрѣ—пальца на рукѣ или ногѣ за то, что продалъ его, не находя въ немъ вины, — закончилъ Сюименбай.

✓ Разостлали среди комнаты коверъ, и баесъ усѣлся. Забѣгалъ смычекъ по струнамъ кѣббыза. Загудѣлъ, застоналъ кѣбызь, сначала рѣзко и дико, а затѣмъ полилась пріятная мелодія. Игра по своему размѣру (трохеи) напоминала мнѣ русскую народную пѣсню:

„Эхъ, березоньки, вы кудрявыя!

Вы не стойте здѣсь, при дороженькѣ“.

✓ У баксы отличный баритонъ. Голосовые переходы отъ низкихъ грудныхъ нотъ къ высокимъ замѣчательно хороши и правильны; они отличаются или строгою постепенностью

---

¹⁾ По-русски: о мухортая змѣя съ остовъ юрты! о сѣрая (сивая) змѣя толщиною съ дверной порогъ! ну, тяни!...

или рѣзкимъ паденіемъ тоновъ. Если кто хочетъ слушать настоящихъ киргизскихъ пѣвцовъ, пусть слушаетъ баксѹ. Раздается легкій присвистъ. Я слышу, что въ пѣснѣ баксѹ обращается къ Богу, къ предкамъ, какъ и шаманы сибирскихъ инородцевъ, и проситъ ихъ помощи въ призывѣ джинновъ. Вотъ онъ призываетъ ихъ самъ. Баксѹ начинаетъ вскрикивать и всё сильнѣе и сильнѣе вздрагиваетъ, рѣзко обрывая игру на кѹбызѣ. „Тек-гау!“ раздается страшный нечеловѣчскій крикъ, т. е. „берегись!“ Является Ергобенъ. Какъ сумасшедшій, вскакиваетъ баксѹ, бросаетъ кѹбызъ и начинаетъ бѣгать съ плетью вокругъ кольца оцѣпившихъ его зрителей. Плеть заходила по спинѣ Сюименбая; такъ и летятъ удары за ударами; баксѹ хватается рукою за спину. Ергобенъ не даетъ ему покоя; надо постегать джина покрѣпче плетью; не себя бьетъ баксѹ, а Ергобеня, только у самого спину передегиваетъ, да рука невольно хватается за избитыя мѣста. Затѣмъ Сюименбай начинаетъ обходить зрителей, дѣлаетъ страшныя гримасы и грозитъ плетью. Онъ останавливается больше передъ робкими и суевѣрными. Женщины въ страхѣ отступаютъ назадъ. Снова заигралъ кѹбызъ и запѣлъ баксѹ заклинанія. Вдругъ онъ припрыгнулъ и гулко ударилъ себя по лбу кѹбызомъ, затѣмъ началъ себя-же бить смычкомъ и кружиться, такъ-что у рта показалась пѣна. Сюименбай пришелъ въ изступленіе ¹⁾).

Въ комнатѣ стояла невыносимая жара. Отъ массы собравшихся киргизовъ шелъ специфическій удушливый запахъ. Нужно было освѣжиться. Когда я возвратился, баксѹ тихо сидѣлъ уже на коврѣ. Въ этотъ-же вечеръ или—вѣрнѣе—въ эту-же ночь Сюименбай лизалъ раскаленное желѣзо и становился босыми ногами на раскаленную дѹ-красна плиту.

---

¹⁾ Въ такое-же изступленіе приходятъ теперь и сибирскіе шаманы (напр. въ Томской и Енис. губ.), приходилъ и бакса, котораго видѣлъ А. Левшинъ.

На слѣдующій день баксà предполагалъ лечить киргизскую дѣвушку—Капію. Я былъ приглашенъ отцемъ больной Ишмухаммедомъ Актанберлинымъ еще разъ посмотрѣть на искусство баксы. Землянка, довольно обширная по размѣрамъ, съ потолкомъ и поломъ, что встрѣчается обыкновенно у жилищныхъ киргизовъ, была переполнена народомъ. Капію я видѣлъ раньше. Дѣвушка съ большими круглыми не киргизскими глазами и черными блестящими волосами, перехваченными, на русскій манеръ, голубою лентой, производила на меня впечатлѣніе степной красоты и несокрушимой силы. Народная молва приписывала ей романъ съ однимъ молодымъ джигитомъ, кончившійся, какъ это бываетъ нерѣдко у дѣвушекъ, весьма печально. Капія старалась скрыть свое положеніе. Услужливыя старухи поили еѣ разными ядовитыми травами, и съ тѣхъ поръ стала дѣвушка чахнуть, такъ-что дни ея были уже почти сочтены. Я нѣсколько опоздалъ. Баксà давно продѣлывалъ свои фокусы. Онъ сидѣлъ на дорогомъ коврѣ. На указательномъ пальцѣ поднятой вверхъ лѣвой руки Сюименбай держалъ высоко надъ головою кѣбызь, а поперекъ кѣбыза на струнахъ остріемъ внизъ лежала старинная киргизская кривая сабля. Раздались дикіе оглушительные звуки. Баксà вскочилъ и, какъ волчѣкъ, началъ кружиться, только мелькали полы его бешмета, а кѣбызь и сабля сохраняли свое положеніе, ни на секунду не теряя равновѣсія. Затѣмъ Сюименбай клалъ въ ротъ горстями иголки, жевалъ ихъ, и мнѣ слышалось хрустѣніе на зубахъ,—кололъ себя въ животъ кинжаломъ и снова кружился. Больной не было видно; она лежала за кошмой въ углу комнаты. Баксà всталъ противъ кошмы, махнулъ сверху внизъ рукою, и кошма раздвоилась. Всѣ были поражены; наиболѣе смѣлыя женщины ощущивали разрѣзъ и удивленно покачивали головами; я никакъ не могъ объяснить себѣ этого фокуса. „Капія“, закричалъ баксà, „кель маган (иди ко мнѣ)!“ Больная встала и сдѣлала нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ по направленію къ баксѣ. Я не узналъ ея. Гдѣ прежняя сила, цвѣтущее здоровье, свѣ-

жестъ лица и молодость?! Казалось, что это не Капій шла, а двигалась тѣнь ея. Глубоко ввалившіеся глаза смотрѣли безжизненно; роскошные волосы мѣстами свалались и беспорядочно падали на плечи. Она смотрѣла внизъ, а десятки глазъ жителей впились въ нее. Я не могъ разобрать заклинаній баксы, да едва ли кто разобралъ ихъ другой: мнѣ кажется: что Сюименбай говорилъ всякую бессмыслицу. Онъ кричалъ и ломался предъ больной, грозилъ ей то саблей, то кинжаломъ, заставлялъ садиться и вставать, выходить изъ комнаты и возвращаться; наконецъ, оба закружились, завертѣлись и оба упали. У баксы, какъ и вчера, изо рта била пѣла. Мнѣ показалось, что Капій не дышетъ. Но вотъ она открыла глаза, обвела ими комнату и застонала. Этого за душу хватающаго стона никогда я не забуду. „Теперь поправится“, обратилась ко мнѣ какая-то старуха; „у баксы—сильные духи; многихъ онъ поставилъ на ноги!“ Но больная не поправилась,—черезъ недѣлю ее схоронили.

Дѣйств. членъ Общества Арх., Ист. и Этн. А. Е. Алекторовъ.
